

*Р. Сеше**

ВАНДЕЯ: ОТ ГЕНОЦИДА К «МЕМОРИЦИДУ»

Эссе знакомит русскоязычного читателя с основными положениями одноименной книги автора, вышедшей во Франции¹. Анализируя политику Конвента и Комитета общественного спасения, направленную на подавление Вандейского восстания, Р. Сеше приходит к выводу о том, что по основным своим параметрам она соответствует тем признакам геноцида, которые были зафиксированы в решениях Нюрнбергского трибунала. Естественным продолжением политики геноцида автор считает деятельность государственной власти и частных лиц, имеющую целью изгладить из коллективной памяти воспоминания об актах геноцида, либо оправдать таковые, представив их вынужденным следствием необходимости или даже проявлением доблести. Подобную деятельность Р. Сеше предлагает обозначить термином «меморицид» и считать преступлением против человечности.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Вандея, геноцид.

Во Франции всегда было очень трудно говорить о Революции 1789 года, не пробуждая страсти. Как-никак в истории современной Европы Франция стала первой страной, воплотившей в жизнь идею массового смертоубийства, организовавшей и реализовавшей план истребления и разорения части своего собственного населения во имя идеологии формирования нового человека. Она также стала первой страной, которая изобрела и осуществила *меморицид*, чтобы скрыть это преступление против человечества. В этом смысле революционная и постреволюционная Франция – одновременно и опытная лаборатория, и образец для подражания творящим геноцид режимам. И если существует преемственность между геноцидами, то существует и преемственность *меморицидов*.

До 1983 г. Вандейское восстание воспринималось как обычная гражданская война, где французы выступили против французов. Ужасная, конечно, но всего лишь гражданская война – так считали даже потомки вандейцев.

* Рейнальд Сеше, доктор истории, французский историк и публицист, владелец издательства Reynald Secher Éditions, президент ассоциации «Память о будущем Европы».

¹ Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide. P., 2012.

На университетском уровне история Вандейского восстания официально никогда не подвергалась глубокому изучению, так как в распоряжении ученых было слишком мало надежных источников. В итоге никто и не задавался фундаментальным вопросом о природе репрессий, ведь эта проблема даже не возникала. Если факт массовых убийств и приведших к большому количеству смертей и уничтожению имущества как республиканцев, так и вандейцев, однако никто не мог назвать ни одной конкретной цифры.

В целом все были согласны с тем, что в так называемой первой Вандейской войне было два этапа:

Первый этап длился с марта по конец декабря 1793 г. и, в свою очередь, делился на три периода:

Первый период (с марта по 29 июня) – зарождение стихийного народного движения. Происходила самоорганизация Вандеи вокруг местных вождей, таких как Кателино в Може, Шаретт в Маре, Лескюр, д'Эльбе... Вандейцы взяли под свой контроль обширные территории площадью в 10 тыс. км², то есть 770 коммун – хотя стоит отметить, что границы этих территорий все время были подвижны – и после одержанной победы устранили революционные власти, выбрав себе новых лидеров. По сути, это было восстановление прежней системы власти, ликвидированной с появлением здесь муниципальных властей.

Сразу же после этого – что, без сомнения, составляет специфику Вандейского восстания и объясняет продолжительность последующего сопротивления – население приготовилось к долгой борьбе. В частности, оно было поделено на три группы. Первая состояла из людей, не способных воевать: на них возлагалась забота о земледелии и скотоводстве. Вторая и третья группы состояли из тех, кто по своему возрасту был способен сражаться, то есть из мужчин старше 13 лет. Одним была поручена защита территорий коммун. (Особенно важную роль в этой обороне играли ветряные мельницы, служившие не только наблюдательными пунктами, но и средством для передачи разведывательных данных путем приведения крыльев в то или иное положение, согласно специальному коду). Другие вступили в ряды Королевской и католической армии.

Эта армия в том виде, в каком она оформилась 7 августа 1793 г., делилась на постоянные и временные части, число которых сложно оценить. Возглавлял армию генеральный штаб – высший совет, состоявший из главнокомандующего, его заместителя, генералов, командиров дивизий, заместителей командиров дивизий и начальников штабов, каждый из ко-

торых занимался четко определенным кругом проблем: размещением на постоянной основе боевым снаряжением, кавалерией и т.п. Армия вандейцев состояла, по крайней мере в первое время, из трех соединений: армии Луары под командованием Боншана, армии Центра под руководством д'Эльбе и армии Шаретта под командованием самого Шаретта. Офицеры, вышедшие из армии Старого порядка, играли, благодаря своему опыту, главную роль. Например, с самого начала восстания они почти повсюду создавали тренировочные лагеря, чтобы учить крестьян обращаться с оружием и подчиняться приказам. Венцом этой организации был Большой совет «Военной Вандеи» или так называемый Шатильонский совет. Созданный по предложению аббата Бернье и д'Эльбе после взятия Фонтенелле-Конта 25 мая 1793 г., он управлял восставшим регионом от имени и в отсутствие короля. Совет публиковал постановления, издавал ордонансы, то есть действительно правил этим регионом. 12 июня 1793 г. он выбрал в качестве своего первого главы крестьянина родом из Пен-ан-Мож Жака Кателино, преемниками которого затем стали д'Эльбе, Анри де Ла Рошжаклен и Флерио.

Завладев территорией «Военной Вандеи», вандейцы стали мечтать о взятии Парижа. С этой целью они создали армию и выступили в поход. Очень быстро они заметили, что чем дальше уходят от своего родного региона, тем слабее становятся, тогда как сопротивление республиканцев, наоборот, усиливается. По инициативе Жака Кателино стратегия была изменена: они решили вернуться в Вандею и взять Нант, дабы установить связь с шуанами правого берега Луары, что позволило бы им создать на западе единый блок.

Атака на Нант началась в шесть часов утра: город был плохо защищен, а его жители разобщены из-за различий в воззрениях. В тот момент, когда город уже вот-вот должен был пасть, Жак Кателино был насмерть сражен пулей, что привело к панике среди вандейцев и к их отступлению.

Второй период (29 июня – 17 октября 1793 г.). После поражения при Нанте вандейцы начали постепенно все больше и больше терять инициативу, утрачивая контроль над ситуацией. Силы уравнились, и победы каждого из лагерей поочередно сменялись поражениями. Шатийон, Монтэрю, Мортань... – все они поочередно переходили из рук в руки. Казалось бы, прибытие в сентябре Майнцской армии, насчитывавшей 16 тыс. прекрасно вооруженных человек под командованием Клебера, могло нарушить равновесие сил в пользу Синих². Однако 19 сентября битва

² Так называли солдат республиканских армий за цвет их мундиров. – Прим. ред.

при Торфу обернулась катастрофой для Комитета общественного спасения и Конвента, и после пяти часов кровопролитного сражения Вандея, казалось, восстановила свою силу. Тем не менее, единству вандейцев пришел конец, так как генералы, не договорившись о том, какие цели им надо преследовать, решили сражаться порознь. С этого момента начинается череда стратегических ошибок, обрекших Вандею на поражение, тем более что она теряла одного за другим своих основных лидеров (Боншана, Лескюра, д'Эльбе...), в то время как республиканская армия перестроилась и получила огромные средства.

Под давлением обстоятельств вандейцы совершили ошибку, покинув Шоле и уйдя в Бопрео. Едва это произошло, они осознали свою оплошность и поспешили назад, но было уже слишком поздно. Разбитые и подавленные, они стихийно двинулись к Луаре, чтобы перейти ее и укрыться на правом берегу: так началась *Virée de Galerne*³.

Третий период (17 октября – 23 декабря 1793 года). Уход за Луару стал переломным моментом в войне, ибо он положил конец вандейскому единству. Целью его был захват какого-либо порта, чтобы получить помощь из-за рубежа и, прежде всего, от Англии.

Поход длился два месяца, но после неудачной попытки взять 14 ноября Гранвиль он обернулся бессмысленным метанием и человеческой трагедией, завершившейся 23 декабря резней при Савене, о которой генерал-мясник Вестерманн отчитался перед Конвентом своим ставшим знаменитым донесением: «Вандеи больше нет... Она умерла от удара нашей сабли свободы вместе со своими женщинами и детьми. Я похоронил ее в болотах Савене. Следуя вашему приказу, я давил их детей копытами лошадей; я резал их женщин, по меньшей мере для того, чтобы они больше не могли родить бандитов. Меня нельзя упрекнуть в том, что я взял хоть одного пленного. Я истребил их всех. Дороги усыпаны трупами. Их так много, что в некоторых местах они высятся пирамидами...».

Второй этап Вандейской войны длился с 23 декабря 1793 г. по 2 декабря 1794 г. В целом, если здесь и признается существование «адских колонн», называемых колоннами Тюрро или охвостьем Робеспьера, то лишь в контексте высказываний о взаимных зверствах и о перегибах, допущенных республиканскими войсками в результате неудачных решений, принятых без какого-то ни было плана. То есть официально в Вандее не было ни жертв, ни палачей, ни, стало быть, и преступления как такового. Хуже того, на вандейцев возлагается ответ-

³ Традиционное название начавшегося в октябре 1793 г. похода вандейцев в Нормандию. – Прим. ред.

ственность, а, значит, и вина за произошедшее, а Республике якобы ничего другого не оставалось, как защищаться ради интересов государства. Те же аргументы выдвинут в XX в. такие преступники, как Мехмед Талаат-паша и младотурки, Ленин, Сталин, Гитлер и другие.

Пришлось дожидаться 1983 г., а еще точнее – 1985 г., чтобы наконец узнать о том, что на самом деле случилось, благодаря университетскому профессору Жану Мейеру. Будучи эльзасцем, насильно призванным во время Второй мировой войны в немецкую армию, – тем, кого во Франции называют *malgré-nous*, – он был крайне чувствителен к страданиям других людей и народов, и потому пытался понять, что же тогда произошло. Отправившись в Вандею для проведения собственных исследований, он оказался весьма удивлен нежеланием местного населения согласиться со своей историей. Именно для того, чтобы получить объяснение этого неприятия действительности, он и обратился ко мне. Результат моей работы разрушил навязанную нам извне интерпретацию и позволил взглянуть на Французскую революцию совсем в ином свете⁴.

Вандея – это, прежде всего, гражданская война. Сегодня мы, конечно, хорошо знаем причины восстания, которые так можно изложить в нескольких словах: столкнувшись с губительной для свободы политической системой, реализуемой Комитетом общественного спасения и Конвентом, значительная часть французского населения – на территории «Военной Вандеи» проживало 815 тыс. чел. – восстала, чтобы защитить свои законные права, особенно – свободу совести.

Очень быстро Комитет общественного спасения и Конвент решили положить конец такому положению, приведя в действие систему истребления и разорения в соответствии с идеей Руссо, согласно которой, если народ думает неправильно, то нужно изменить народ, либо добившись его духовного перерождения, либо уничтожив его, либо использовав оба этих метода. Однако из-за недостатка идей и возможностей они перешли к активным действиям лишь 26 июля. Было принято два решения: во-первых, заставить Конвент проголосовать за истребление и разорение, во-вторых, провести соответствующий текст без обсуждения. Эта дата и стала началом нового этапа. В этом и состоит особенность преступления, совершенного в Вандее: это было узаконенное преступление, хладнокровно спланированное коллективным разумом и осуществленное во имя народного суверенитета депутатами, то есть Национальным собранием, именуемым Конвентом, и исполнительной властью, то есть Коми-

⁴ *Secher R. Le Génocide franco-français: la Vendée-Vengé / Préf. de Jean Meyer. P., 1986.*

тетом общественного спасения, члены которого выбирались Национальным собранием.

Чтобы лучше понять происшедшее, в ходе анализа необходимо проводить различие между юридической формой и практикой.

Что касается юридической формы, то здесь надо выделить два аспекта: 1) Законы об истреблении и разорении.

Всего было принято три таких закона. Первый, от 1 августа 1793 г., предусматривал депортацию женщин, детей и стариков и уничтожение всех оставшихся на месте вандейцев без каких-либо исключений и различий; национализацию и уничтожение всего их имущества; проведение чистки в армии, которой Комитет не доверял, особенно – среди командного состава, а именно – тех, кто считался слишком совестливым или подзревался в христианских или роялистских убеждениях. Срок исполнения закона составлял 15 дней.

Второй закон был принят 1 октября. Очень скоро практика показала, что отбирать для депортации женщин, детей и стариков слишком сложно, то есть практически невозможно, поэтому на голосование было вынесено дополнение к первому закону, предусматривавшее истребление всех вандейцев, называемых разбойниками, без различий пола и возраста. 23 июля 1794 г., всего за несколько дней до падения Робеспьера, Лазар Карно от имени Комитета общественного спасения пояснял в послании представителю народа при Западной армии в Ньоре: «Мы вам отправляем, уважаемый коллега, письмо членов военной комиссии, заседающей на острове Монтань, из которого вы увидите, с каким злым умыслом можно истолковать воззвание специальных агентов по надзору за сбором урожая⁵. С чего вы взяли, что правительство хотело помиловать людей, нанесших ущерб суверенитету народа в Вандее? Напротив, поспешите, уважаемый коллега, предать карающему мечу всех зачинщиков и главарей этой жестокой войны, и пусть злодеи, так долго терзавшие свою родину изнутри, заплатят, наконец, за свои преступления». А вот самая важная часть: «Женщины, дети и старики [здесь впервые на самом высоком уровне поднимается вопрос об этих категориях населения, так как он, естественно, возникал – Р.С.], люди, принудительно вовлеченные в насильственные действия, без сомнения, не заслуживают такой же участи, как те изверги, что устроили восстание и по собственной воле участвовали в нем, и по отношению к ним можно было бы применить менее

⁵ Речь идет о воззвании Комиссии по сельскому хозяйству и промышленности от 3 мессидора II года Республики, адресованном жителям Отмщенного департамента (бывшего департамента Вандея). – *Прим. ред.*

суровые меры обеспечения безопасности, но это означало бы подвергнуть регион ужасам новой войны и оставить патриотов на милость разбойников, к чему привело бы неразумное и гибельное снисхождение к таковым».

Третий закон датирован 7 ноября, когда Комитет решил символически переименовать Вандею и наречь ее Отмщенным департаментом⁶. На первый взгляд, может показаться, что речь идет об игре слов. На самом деле все обстоит иначе, и переименование вытекает из аксиоматической посылки: не выступать за революционные идеи – значит быть против них; человек не может быть контрреволюционером, поскольку контрреволюционер – это и не человек вовсе, а недочеловек, то есть дикий зверь; дикий зверь, не являясь человеком, не обладает правосубъектностью и соответственно не может ничем владеть; если он не может ничем владеть, то все имущество вандейцев фактически принадлежит государству; если это – дикий зверь, и обращаться с ним надо соответственно, в том числе его можно убить (sic!); трупы убитых зверей будут разлагаться и превратятся в перегной; он обогатит почву, и на ней затем смогут поселиться незапятнанные мужчины и женщины. Вандея таким образом будет очищена и отомщена.

2) Механизм применения законов на практике.

Реализация указанных законов возлагалась на военное министерство и депутатов, отправленных на место событий и наделенных всей полнотой власти. Эти депутаты были обязаны одновременно и контролировать правильное проведение законов в жизнь, и самим их применять (как то делал Каррье в Нанте, а Франкастель в Анжере) при поддержке или без нее со стороны военных, ответственных за проведение операций, и выборных властей на местах, особенно в больших периферийных городах, таких как Нант, Анжер, Ньор.

а) Планы по истреблению и разорению.

До недавнего времени было известно лишь о так называемом плане Тюрро. На деле, существовало целых четыре таких плана, которые принимались в период с 1 августа 1793 г. по 2 декабря 1794 г.

Первый план: 1 августа – 11 ноября 1793 г. Он был прост и состоял в том, чтобы взять вандейцев в клещи с запада и юга «Военной Вандеи», уничтожить их как можно больше (до 1 октября исключение делалось для женщин, детей и стариков), а остальных утопить в Луаре и Атлантическом океане. Из-за недостатка военных средств и вследствие перехода мятежников через Луару 17-18 октября этот план, оставаясь в силе, был дополнен еще одним, касавшимся правого берега Луары.

Второй план: 11 ноября 1793 г. – 21 января 1794 г. Переход через Луару 80-тысячной колонны повстанцев и беженцев потребовал от Конвента принятия немедленных мер, чтобы помешать объединению вандейцев, мэньцев и нормандцев, считавшихся контрреволюционерами. В спешке Конвент решил перебросить войска, чтобы создать своего рода линию Мажино между Ла-Маншем и Анжером. Затем 11 ноября Комитет принял решение использовать армию, собранную в единый кулак, дабы уничтожить всех вандейцев, пересекших реку, что и было в тот же день сообщено «представителям народа, собравшимся в Ренне»: «Комитет общественного спасения, уважаемые коллеги, одобрил общий план, согласно которому разбойники должны в скором времени исчезнуть не только с лица Вандеи, но и со всей территории Республики...»

Третий план: 21 января – 13 мая 1794 г. Более известный как план Тюрро, он, вместо принятого 11 ноября Комитетом общественного спасения плана концентрации сил, предполагал использование мобильных колонн. Корреспонденция, которой обменивались между собой генерал Тюрро и Комитет общественного спасения, не изобилует подробностями. 24 января Тюрро, обеспокоенный тем, что не получил ответа на свое первое письмо, написал второе, где высказался со всей откровенностью: «Я начал осуществление задуманного мною плана – пройти через Вандею двенадцатью колоннами... Если мой замысел получит поддержку, через 15 дней здесь не останется ни домов, ни продовольствия, ни оружия, ни жителей, кроме тех, кто сумеет укрыться в лесной глуши от от самых тщательных розысков...». Ответ Комитета общественного спасения от 6 февраля за подписью одного из его членов, Лазара Карно, успокаивает Тюрро: «Ты жалуешься, гражданин генерал, что не получил от Комитета формального одобрения принятых тобой мер, но они кажутся членам Комитета хорошими и правильными...» Таким образом, Комитет согласился с тем, чтобы Тюрро заменил его прежний план концентрации сил новым, предполагающим использование мобильных колонн, и заверил, что его намерения отвечают целям Комитета, а именно – тотальному истреблению людей и разорению региона.

Четвертый план: 13 мая – 2 декабря 1794 г. Очень быстро Комитет общественного спасения осознал, что, если у плана Тюрро и есть такие достоинства, как массовое уничтожение людей, он в то же время вызывает стихийный и всеобщий рост сопротивления. Чем больше армия и политики убивали местных жителей, тем упорнее население защищалось. И хотя по территории «Военной Вандеи» курсировали мобильные колонны, едва лишь они покидали местность, как выжившее население, вынужденное

⁶ Переименовать «Vendée» в «Vengé». – Прим. ред.

быть храбрым из страха за свою жизнь, тут же организовывалось для оказания сопротивления.

Однако Комитет не усомнился в целесообразности своей политики истребления вандейцев и уничтожения их имущества, а, напротив, решил принять меры еще более радикальные и эффективные, но требующие меньше солдат и денег. В этом и состояла цель четвертого плана, который можно назвать смешанным, соединившим в себе план концентрации сил от 11 ноября 1793 г. и план адских колонн Тюрро от 21 января 1794 г. Этот новый план предусматривал создание укрепленных лагерей по всей территории «Военной Вандеи», опираясь на которые должны были действовать мобильные колонны, что вскоре докажет свою высокую эффективность.

Что касается практической реализации этих юридических норм, то здесь нужно различать возникавшие в этой связи идеи и собственно действия.

На уровне теории речь шла о «научном подходе»: идея состояла в том, чтобы поставить науку на службу системе истребления и разорения, чтобы сэкономить людские и финансовые ресурсы. Предложения возникали и исчезали одно за другим, но внимание политиков и республиканских военных обратили на себя лишь следующие:

Газ. Идея зародилась в рядах самих депутатов, заседавших в Конвенте, и они попросили одного из своих коллег, химика Антуана-Франсуа Фуркруа, депутата от Парижа, а с 1 сентября 1794 г. – члена Комитета общественного спасения, создать удушающий газ. Его опыты не увенчались успехом, но идею подхватил аптекарь из Анжера Жозеф-Луи Пруст, который даже проводил соответствующие эксперименты на лугах Пон-де-Кле. Эти попытки также результата не дали.

Яд. Идея принадлежала генералу Вестерманну. Он предлагал так отправить «шесть фунтов мышьяка и повозку с водкой, чтобы их захватили вандейцы». Неясно, чем именно завершился этот проект, но известно точно, что один из лейтенантов Шаретта 25 мая 1793 г. обнаружил, к своему большому удивлению, в Паллоо соответствующее количество этого вещества.

Противопехотные мины. Эта оригинальная идея, судя по всему, принадлежала личному другу военного министра Бушота – генералу Сантеру, известному как «генерал грохот»⁷. Дальнейшая судьба его предложения нам не известна.

Как бы то ни было, вскоре стало понятно, что все эти идеи бесполезны и нужно подумать о применении кустарных средств для умерщвления людей

⁷ Командовавший национальной гвардией Парижа А.Ж. Сантер приказал во время процедуры казни Людовика XVI 21 января 1793 г. бить в барабан, чтобы заглушить обращенные к народу предсмертные слова короля. – *Прим. ред.*

в больших количествах. В данном отношении эту систему можно признать доиндустриальной.

Использовались шесть основных способов умерщвления:

1. Обезглавливание саблей, шпагой или, прежде всего, передвижной, либо стационарной гильотины. Была даже идея использовать гильотину с несколькими ножами, однако проект забросили по причине технической сложности.

2. Убийство через нанесение побоев. Простая и весьма часто используемая процедура для лишения жизни закованных в цепи пленников и беременных женщин.

3. Расстрел, осуществляемый одним человеком или целым взводом.

4. Раскалывание черепа ударом приклада или другими подручными средствами.

5. Утопление индивидуальное, парное или коллективное. Некоторые люди проявили себя в этом вопросе настоящими экспертами, например, депутаты Каррье в Нанте со своими знаменитыми габарами или Франкастель в Анжере.

6. Сожжение – в основном использовалось для уничтожения вандейцев, укрывшихся в своих домах.

Этими средствами не ограничивались, ведь человеческое воображение в таких делах безгранично. А потому вандейцев, к примеру, заживо сжигали в печах для хлеба, ставших прототипом будущих крематориев, или давили в прессах.

Однако скоро члены Комитета общественного спасения и Конвента, а также военные подняли вопрос о продуктивности и стоимости применяемых средств. На то были самые разные причины: технические – для гильотины, на которой, похоже, не удавалось казнить больше 80 человек в день; материальные, как, например, с затапливаемыми габарами, которые тонули безвозвратно; психологические – солдат не может бесконечно убивать шпагой или прикладом других людей, особенно женщин и детей; финансовые и т.п.

Проблема стоимости постоянно поднималась, так как политикам казалось возмутительным финансировать из государственной казны «искоренение нечестивой вандейской расы». Местный налог должен был использоваться для покрытия таких расходов, но поскольку он больше не взимался, то и не мог быть источником финансирования «общественной гигиены». Вместо этого было решено воспользоваться самой ситуацией. Это делалось, в основном тремя, способами.

1) Местный и всеобщий грабеж. Для него был создан Комитет по снабжению, руководство которым поручили генеральному инспектору Жану-Ба-

тисту Бодсону. Он получил в свое распоряжение наземный и речной транспорт, изъятый или специально построенный для этих целей, и одновременно отвечал как за сбор имущества, так и за его доставку в большие провинциальные города и в Париж, где все продавалось с молотка. Притом некоторые сборщики, в том числе и сам Бодсон, не забывали мимоходом прихватить кое-что и на свою долю.

2) Систематическое изъятие всего того, чем владел вандеец, приговоренный к смерти или тюремному заключению: денег, украшений и проч., включая одежду, редкие и дорогие продовольственные продукты. Именно по этой причине пленных в большинстве своем казнили обнаженными, чтобы их вещи не были безвозвратно испорчены.

3) Утилизация волос, зубов и даже человеческого жира и кожи, которую дубили. Есть достоверные сведения о такого рода бесчинствах, однако, к сожалению, невозможно оценить их размах.

Оставалась деликатная проблема, как контролировать надлежащее исполнение всех этих операций. Для этого существовало три основных способа.

1) Чистка армии от тех военнослужащих, как офицеров, так и простых солдат, которые были решительно против подобных мер, либо вели себя сдержанно или нерешительно. Предусмотренная законом от 1 августа, такая чистка должна была стать систематической, тем более что некоторые люди и даже целые полки переходили на сторону вандейцев.

2) Контроль за армией и политиками был поручен депутатам, в которых Комитет был уверен. Они обладали всей полнотой власти и могли действовать по-своему без какого-либо контроля со стороны, не давая никому отчет в своих действиях.

3) Доклады. На уровне высших офицеров такие отчеты должны были в обязательном порядке подаваться ежедневно и, по меньшей мере, в двух экземплярах, один – для Комитета, второй – для военного министра. Что касается депутатов, других политиков и чиновников, отправленных на места, то подачу докладов оставляли на их собственное усмотрение за теми редкими исключениями, когда, например, у них запрашивали определенные сведения.

Потребовалось почти два столетия для того, чтобы, наконец, приблизительно оценить последствия Вандейского восстания в отношении человеческих жертв и гибели имущества.

Что касается человеческих жертв, то, благодаря доброй сотне тайных списков, составленных неприсягнувшими священниками, мы имеем статистику по отдельным населенным пунктам, как то по Люк-сюр-Булонь,

Ремодьер и некоторым другим. На сегодняшний день мы можем вполне определенно утверждать, что погибло не менее 117 257 вандейцев, что составляло 14,38% населения, причем разброс в цифрах по разным департаментам весьма велик. Наиболее пострадал департамент Мен-и-Луара – 44 107 погибших, то есть 20,11% населения, в Вандее их было 30 711 (10,64%), во Внутренней Луаре – 26 897 (12,91%), в Дё-Севре – 15 542 (15,71%). Все проведенные выборки данных свидетельствуют, что жертвами политики истребления стали преимущественно женщины, дети и старики. Например, из 459 убитых в Люк-сюр-Булонь 110 составляли дети в возрасте до 8 лет и 260 – женщины.

Что касается имущественных потерь, то на сей счет у нас не было никаких статистических данных до тех пор, пока не были обнаружены документы о возмещении убытков императором Наполеоном I в 1808 г. в Вандее, в 1811 г. – департаментах Нижняя Луара и Дё-Севр. Только департамент Мен-и-Луара не получил компенсации по неизвестным нам причинам. Точные цифры дают нам четкое представление о политике разорения в действии: из 56 760 домов, занесенных в инвентарный список, 10 309 были уничтожены (18,16% от общего числа). Выборка, проведенная на примере Ля-Шапель-Бас-Мер, показывает, что этот городок особенно серьезно пострадал: был сожжен 51% от общего количества домов.

Как уже говорилось ранее, до 1985 г. никто не ставил перед собой задачу дать определение политике, проводившейся Комитетом общественного спасения и Конвентом в Вандее, кроме современника тех событий, «отца коммунизма» Гракха Бабёфа (1760-1797). Его поразило то, что во имя прав человека, законности, свободы и братства может производиться массовая резня населения. Он был хорошо осведомлен о реальных фактах и в своем сочинении «О системе уничтожения населения» с хорошим знанием политики и права разоблачил преступление против человечности, совершенное по отношению к вандейцам. Там же он поставил вопрос о том, каким термином можно определить это преступление, и, не найдя подходящего среди существующих, счел необходимым изобрести новый – «популицид» («populicide»). Досадно и даже преступно то, этот термин был забыт, так как если бы политики и историки XIX в. выполнили свою работу, он нашел бы должное применение, получил дефиницию и, без сомнения, позволил бы предотвратить или хотя бы осудить преступления, совершенные Талаат-пашой, Лениным, Сталиным и Гитлером. Как бы то ни было, такой ход мысли Бабёфа на удивление актуален и схож с суждениями Рафаэля Лемкина, высказанными 130 лет спустя.

Рафаэль Лемкин родился в 1900 г. в польском городке Безводное, получил юридическое образование и еще в молодости был шокирован широкомасштабными преступлениями, совершенными советскими коммунистами и нацистами. С 1933 г., занимая пост прокурора в Варшаве, он содействовал усилиям Лиги Наций по развитию международного гуманитарного права и работал над составлением международного закона, который карал бы уничтожение этнических, национальных и религиозных групп как «варварство» и «вандализм». Подобно своему предшественнику Гракху Бабёфу, он тщетно искал в современном словаре соответствующий термин и, не найдя такового, придумал в 1943 г. новый – «геноцид», произведенный сложением древнегреческого слова «genos» (потомство, род, клан, группа, раса) и суффикса «-cide» (от латинского слова «caedere» – убивать). Одна из основных заслуг Р. Лемкина состоит в том, что ему удалось добиться внесения этого термина в акт Нюрнбергского трибунала, осуждающий нацизм. Этому документу тоже не хватало нужного термина. В юриспруденции его не было. Судьи пытались определить происшедшее, говоря о преступлении против человечности, но этого было недостаточно. Я постоянно повторяю: именно слово создает действие, а не наоборот. Если нет слова, вы не можете дать определение действию, что и объясняет кажущееся молчание Рузвельта, Пия XII, де Голля и Черчилля относительно преступлений, совершавшихся нацистами. Р. Лемкин не только сумел добиться принятия этого термина, но также дал ему определение, ставшее общепризнанным.

На самом деле, вопреки распространенному мнению, существует не одно преступление геноцида, а целых три:

Первое – замысел.

Второе – частичное или полное исполнение задуманного.

Третье – пособничество, как на уровне замысла, так и на уровне частичного или полного его осуществления, а именно – частичного или полного истребления группы людей по этническим, расовым, политическим или религиозным признакам.

У этих преступлений есть две особенности: во-первых, для них не существует срока давности, во-вторых, закон в отношении их имеет обратную силу. Именно поэтому Нюрнбергский трибунал осудил и покарал крупных нацистских преступников, а позднее международная общественность признала преступлением геноцид армян.

Имеет ли всё это отношение к Вандее? Иначе говоря, имелся ли там замысел по проведению политики истребления? – Ответ положительный: есть соответствующий закон.

Был ли такой замысел реализован? – Бесспорно, был частично реализован.

Имелись ли пособники при появлении такого замысла? – Да, поскольку он был творением не какого-либо одного депутата, а всего Конвента, проголосовавшего «за».

Имелись ли пособники при реализации такого замысла? – И опять же: да. Не один Тюрро это творил, а вся французская армия, то есть десятки тысяч человек.

Иначе говоря, в Вандее было совершено не одно преступление геноцида, но все три.

Составляли ли вандейцы группу людей? – Конечно же, да.

Этническую или расовую? – Нет.

Религиозную или политическую? – Да.

Таким образом, слово геноцид – это единственный термин, который применим в данных обстоятельствах.

Занимаясь историческими исследованиями и будучи одновременно сыном Вандеи, я сталкивался с тем, что везде за пределами территории «Военной Вандеи» вандейцы, являвшиеся жертвами, воспринимались как палачи – палачи жертв! Меня всегда подсознательно тревожил этот факт. Подобный постулат был официально распространен на самом высшем уровне, а затем воспринят в смежных с ними сферах, Университетами и наконец образованием в целом.

Возьмем, к примеру, образцы официальной скульптуры: они прославляют лишь палачей. Приведу лишь несколько хорошо известных и легко проверяемых случаев. Так, Антуан-Франсуа де Фуркруа, депутат Конвента, автор идеи травить вандейцев газом, удостоен чести получить от Парижа статую в одной из ниш на фасаде городской Ратуши. Статуя Гоша возвышается в Версале и даже на месте творившихся им репрессий – на полуострове Киберон. Робеспьер, Барер... Что касается генерала Тюрро, то его имя выгравировано на Триумфальной арке, а в честь него названа одна из казарм.

И напротив, Вандея и вандейцы заклеены как предатели родины, клятвопреступники и, даже хуже, роялисты, поднявшиеся на защиту трона и церкви.

Я как историк размышлял над этими фактами, доказанными, объективными, но вывернутыми наизнанку. Я уже упоминал о том, что именно слово определяет действие. Поскольку в нашем современном словаре нет подходящих слов, чтобы обозначить подобное преступление, то термин требовалось создать и дать ему четкое определение. Так появилось

слово «меморицид» – преступление геноцида против памяти, которому я дал точную дефиницию. С юридической точки зрения «меморицид» может быть определен как задуманное или осуществленное соучастниками преступление против человечности. Замысел, как и реализация, могут быть частичным или полным, выражаться в желании или в действии. Конечная цель замысла и реализации состоит в отрицании, в придании относительности, в частичном или полном оправдании совершенного в прошлом преступления геноцида.

Весьма тревожно то, что эта проблема никогда не поднималась историками, политиками и юристами, особенно в связи с Нюрнбергским процессом. Надо заметить, что все четыре представителя великих держав-союзников, то есть Рузвельт, Сталин, Черчилль и де Голль, не могли беспристрастно подходить к рассмотрению проблемы памяти, ибо все они являлись наследниками преступного прошлого: американцы устроили геноцид индейцев; о Сталине и говорить нечего; у англичан, помимо прочего, была Ирландия, у французов – Вандея да и не только.

Память – чрезвычайно хрупкая вещь, особенно если преступники или их наследники сумели сохранить власть. Преступления геноцида оказываются на «воле волн» памяти: ее океан может их поглотить и обречь на забвение. Наиболее близкий пример: я уже сейчас наблюдаю, как различные геноциды, совершавшиеся нацистами, свелись к одному-единственному – геноциду евреев. Сегодня полным ходом идет ревизия Истории. Я уже писал в книге «Евреи и вандейцы: от одного геноцида к другому»⁸, что, даже если это не укладывается в рамки нашего понимания, все связанные с геноцидом процессы некоторое время спустя после совершенного преступления естественным образом подвергаются отрицанию. Историк Ипполит Тэн с грустью констатировал сие в своей знаменитой книге «Происхождение современной Франции»: «Эта книга, как и предыдущие, написана лишь для любителей моральной зоологии, натуралистов духа, только для них, а не для общества, у которого уже есть предвзятое и сформировавшееся мнение по поводу Революции. Это мнение начало формироваться в 1825-1830 гг. после ухода на покой или смерти очевидцев событий; после их исчезновения общество удалось убедить в том, что крокодилы были филантропами, что многие из них обладали талантом, что они пожирали лишь виновных и что даже если они иногда пожирали слишком многих, то получалось это безотчетно, вопреки их воле или из-за чрезмерной преданности, – как самопожертвование ради общего блага».

⁸ Secher R. Juifs et Vendéens: d'un génocide à l'autre. P., 1991.

В своей вышеупомянутой книге я писал, что геноцид евреев, самый жестокий из всех, ибо проводился в промышленных масштабах, однажды по политическим, либо религиозным, либо этническим соображениям, также подвергнется отрицанию. Некоторые насмеялись, считая, что я несу чушь... Но Иран доказал обратное! Эта страна стала организовывать конференции, отрицающие холокост. Тогда еврейская община обратилась ко мне, попросив объяснить, как столь невообразимое, невероятное смогло вдруг стать официально признанной правдой? Меня попросили описать механику, которая естественным образом приводит к этому. Чтобы осмыслить проблему, я вновь обратился к Национальным архивам.

Совершенно случайно я обнаружил не вызывающие сомнений документы, неразборчиво написанные и ранее неизвестные, которые мне удалось восстановить благодаря новым технологиям фотосъемки. На деле оказалось, что члены Комитета общественного спасения всё зафиксировали в письменном виде. Я обнаружил оригинальные документы, составленные самими членами Комитета. Как отмечал Бабёф и некоторые из его современников, пораженные тем, что видели и слышали, именно члены Комитета стояли за всем, Конвент был всего лишь регистрационной палатой.

Благодаря новым документам я обнаружил факты один ужаснее другого. Например, случай Сен-Флоран-ле-Вьей. Нам всем известна эта история в изложении современников и историков. Кроме того, на местном уровне она отражена в памятниках, в витражах, в камне и т.п. Однако после первого знакомства с документами открылась совсем иная картина.

С августа 1793 г. вандейцы осознавали или интуитивно чувствовали, что взаимоотношения между Синими и Белыми радикально изменилась: республиканцы стали в массовом порядке убивать женщин, детей и стариков. Конечно, жажда жизни всегда берет свое, а потому вандейцы решили переправиться через Луару, чтобы бежать из этого земного ада. Надо было найти место для переправы. Им стал Сен-Флоран-ле-Вьей. Однако у вандейцев в плену находилось около 5 тыс. республиканцев. Встал вопрос: что с ними делать?

Учитывая все совершенные ими бесчинства, естественным желанием было их всех убить. Но умирающий генерал Боншан был христианином и знал, что за все преступления, совершенные под его командованием, ответит перед Вечным Судией и понесет кару. Поэтому он потребовал помиловать и освободить пленных. Когда эта новость дошла до Парижа,

она шокировала членов Конвента до такой степени, что едва не заставила их пересмотреть план истребления, принятый 1 августа 1793 г.

Они стояли перед выбором из двух решений: либо прекратить исполнение плана, либо продолжать. По идеологическим соображениям было выбрано второе. Поэтому членам Конвента пришлось прибегнуть к политическим манипуляциям и, в частности, потребовать у освобожденных солдат, чтобы они не только не рассказывали никому правды о происшедшем, но, более того, говорили всем, что их вызволили из плена Синие. Это был первый акт меморицида в отношении к Вандее. От тех же солдат, во искупление ошибки, которую они совершили, приняв свободу от рабов (*sic!*), потребовали впредь казнить на месте их освободителей вместе с семьями. Если вы отправитесь, к примеру, в Марийе, то обнаружите там знаменитый витраж, изображающий колонну женщин и детей. Витражи, связанные с народной традицией, стали способом поведать эту историю. Традиция отметила тот факт, что Синие захватывали в плен, дабы затем казнить, в основном женщин и детей, но она не знала истинной причинно-следственной связи и просто связывала происходящее с гражданской войной.

Второй акт меморицида, составляющий часть политики геноцида, это дело Бара, которое как таковое никогда не имело места. Вкратце, по официальной версии, речь шла о мальчике, который предпочел умереть от рук Белых с возгласом «Да здравствует Республика!», нежели кричать «Да здравствует король!». На самом деле ничего подобного, как сообщил его командир, майор Демар, никогда не было. Однако, чтобы не дать майору Демару об этом говорить, его отправили на гильотину.

Свой вклад в разработку механизма научного тиражирования меморицида внесли, среди прочих, историк Мишле и некоторые политики, такие как Клемансо и Жорес.

Теперь, когда нам известны настоящие факты, встает вопрос, как меморицид прекратить во имя Истины, во имя справедливости, дабы можно было сказать палачам, что они всегда будут признаны таковыми и как таковые осуждены, невзирая на обстоятельства и личности.

В том, что касается Вандеи, такая проблема тоже стоит. Здесь нужно различать два уровня, пусть даже они тесно взаимосвязаны: национальный и местный, притом первый является определяющим для второго.

На национальном уровне, согласно французскому праву, нужно лишь, чтобы Парламент проголосовал за признание указанных фактов геноцидом, как он это уже сделал в отношении геноцида армян турками. Но с Вандеей дела обстоят весьма деликатно, поскольку и правые, и левые

считают себя наследниками Революции, особенно левые, всегда видевшие в Робеспьере образец для подражания, а в революционном терроре – орудие справедливости. В течение трех сроков работы Национального собрания депутаты на уровне законодательной комиссии систематически принимали соответствующее предложение [относительно Вандеи], но также систематически оно не ставилось на повестку дня, то есть на обсуждение.

Остается фактом: эти законы об истреблении и разорении никогда не были упразднены, что, среди прочего, означает возможность вновь привести их в действие. Председатель Генерального совета Вандеи внес в Сенат законопроект об отмене законов от 1 августа и 1 октября 1793 г., исходя из принципа, что отменить – значит признать. Интересно проанализировать аргументы комиссии, занимавшейся этим предложением. Они вращаются вокруг трех тем.

Первое: эти законы уже были отменены в 1946 г. То есть, если их отменили, значит, их де факто уже признали. Это был бы огромный прогресс. Но на самом деле, такая отмена имела сугубо частный характер и касалась только законов и декретов периода режима Виши. Поэтому данный аргумент был отклонен.

Второе: эти законы естественным образом утратили силу в связи с неприменением. Но если так, то их по желанию можно восстановить, как это произошло, когда потребовалось дать правовое обоснование депортации евреев: тогда был использован юридический арсенал времен Французской революции.

Третье: смертная казнь и так отменена в 1974 г. Однако законы о Вандее относятся к другому контексту, ибо в них речь идет об общем правиле, связанном с географической принадлежностью. К тому же, остается проблема разорения этой территории.

В конце концов, комиссия одобрила законопроект об отмене законов от 1 августа и 1 октября 1793 года. Осталось лишь проголосовать за них, а это уже зависит от желания председателя Сената.

Предстоит также еще огромная работа на уровне масс-медиа и, конечно, на уровне школьных учебников.

На местном уровне выборные представители, общественные организации и журналисты стремятся донести правду до всех. Это деликатная и сложная задача из-за инерции человеческого сознания. Очевидно, потребуется еще много времени, пока правда восторжествует.

В качестве заключения. Вандея представляет собою двойную матрицу – геноцида и меморицида. Французская республика теперь зна-

ет правду. Если она и дальше будет упорствовать в непризнании ее, то окажется в состоянии неприятия действительности. И тогда она сознательно возьмет на себя ответственность за этот меморицид и его последствия, в том числе психологические и культурные. В силу этого она изо дня в день будет нести вину соучастия в преступлении против человечности, поощряя таким образом тех, кто отрицает геноцид армян и холокост, которые осуществлялись более организованно и имели более завершенный характер.

Список литературы

Secher R. Le Génocide franco-français: la Vendée-Vengé / Préf. de Jean Meyer. P. : PUF, 1986.

Secher R. Juifs et Vendéens: d'un génocide à l'autre. P. : O. Orban, 1991.

Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide. P. : Éd. du Cerf, 2012.

Secher R. Vendée: from genocide to «memoricide»

The essay put up the Russian-speaking reader to the basic ideas of the book *Vendée: du génocide au mémoricide* by the same author, published in France. Analyzing the policy of the Convention and of the Committee of Public Safety, designed to suppress the Vendée uprising, R. Secher comes to the conclusion that its main parameters are corresponded with the characters of genocide that have been defined by the Nuremberg Tribunal. The author considers the activities of public authorities and of private persons, aiming to erase from the collective memories the acts of genocide or justify them presenting as a result of necessity or even a manifestation of valor, as a natural extension of the policy of genocide. R. Secher offers to denote such activity by the term of «memoricide» and to consider it as a crime against humanity.

Keywords: French Revolution, Vendée, genocide.

Д.Ю. Бовыкин*

ЛЮДОВИК XVIII И РОЯЛИСТСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ ФРАНЦИИ

Статья посвящена проблеме взаимоотношений Людовика XVIII, взошедшего на престол в 1795 г., с лидерами вандейцев и шуанов. Автор поднимает вопрос о том, почему новый король не смог использовать в своих интересах столь мощный ресурс, как роялистские мятежи на западе Франции, хотя и прилагал для этого немалые усилия. Бурбоны стремились добиться финансирования восстания англичанами и были готовы к тому, чтобы один из французских принцев лично возглавил высадку роялистов на полуострове Киберон, но и это не принесло успеха. Раздоры между лидерами движения привели к тому, что высадившиеся на Кибероне эмигранты были разгромлены республиканскими войсками под командованием генерала Л. Гоша. Брат короля граф д'Артуа, отправившийся к французским берегам, вынужден был вернуться в Лондон. К 1796 г. восстание и вовсе угасло. Истощенные войной, обескровленные карательными экспедициями республиканцев, Вандея и Бретань уже мало чем могли помочь Людовику XVIII, хотя и оставались важнейшим символом сопротивления Республике.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., граф Прованский, Людовик XVIII, граф д'Артуа, Шаретт, Вандейское восстание, шуаны.

О Вандейском восстании и движении шуанов практически ежегодно выходят не только все новые статьи, но и все новые книги¹. Порою кажется, что чем бы не занимался историк – от проблем национальной памяти² до повседневной жизни³, – он может найти в истории мятежей на

* Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ Так, в 2015 г. увидели свет книги: *Lignereux A.* Chouans et Vendéens contre l'Empire. 1815, l'autre guerre des Cent-Jours. P., 2015 ; *Rolland-Boulestreau A.* Les colonnes infernales. Violences et guerre civile en Vendée militaire, 1794-1795. P., 2015, а также были переизданы еще пять книг, вышедшие ранее.

² См., например, статью Р. Сеше в данном выпуске Ежегодника.

³ *Bordonove G.* La Vie quotidienne en Vendée pendant la Révolution. P., 1974.